

В. П. КОРЗУН, Д. М. КОЛЕВАТОВ

ОБРАЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ КООРДИНАТ*

Статья посвящена проблеме трансформации образа исторической науки в 1945–1953 гг. в отечественной историографии. Рассматривается процесс смены историографических координат (1980–2000-е гг.), разворачивавшийся в нескольких направлениях: 1) актуализация проблемы социального контекста развития науки, взаимоотношения ученых и власти; 2) антропологизация историографии; 3) рассмотрение когнитивных принципов организации науки, выход на закономерности ее развития; 4) соотнесение историографических интерпретаций с глубинными основаниями национальной культурной традиции, «мозаикой символов культурной идентичности».

Ключевые слова: образ исторической науки, антропологическая парадигма, социальный заказ, послевоенный период, космополитизм.

Историография последних десятилетий характеризуется заметным интересом к позднему сталинизму. Мы полностью солидарны с оценкой историографической ситуации, данной Г. А. Янковской: «ранее один из наименее изученных периодов в истории СССР, пожалуй, впервые стал объектом пристального внимания гуманитариев разных специальностей. Наряду со “сталиноведением” и “кремлинологией” внимание исследователей привлек весь спектр социальных процессов, характерных для советского послевоенного общества: повседневные практики, механизмы выражения общественного мнения, качество жизни разных слоев населения, идеологические кампании и национальные отношения»¹. Добавим к этому перечню и возрастающее внимание к истории науки и к корпорации историков. Интерес к последним сюжетам объясняется не только потребностью в полноте представления об исчезнувшей социальной реальности, но и особым значением периода в развитии отечественной гуманитаристики. В литературе утверждается оценка середины XX в. не только как времени политических и идеологических транс-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 02.740.11.0350.

¹ Янковская. 2007. С. 20.

формаций, но и интеллектуальной стереотипизации — «закрепления схем и образов исторического мышления, которые и после всех постмодернистских перемен кажутся определяющими глубинные уровни исторического мышления как авторов самых разножанровых книг о прошлом, так и их читателей»². Такая устойчивость образов мышления, культурных кодов, правил игры заслуживает изучения. В этой связи нельзя не обратить внимание и на каналы трансляции исторических образов и образа самой исторической науки, на его трансформацию.

В общеметодологическом плане артикуляция такого рода тематики в научном дискурсе отражает нарастающий интерес современных гуманитариев к исследованию так называемой «второй» реальности — истории коллективных представлений, отображению исторических личностей, процессов, событий в массовом и индивидуальном сознании, социокультурному мифотворчеству³. Причем при исследовании реалий подобного рода современная историко-научная мысль все более ориентируется на сам процесс продуцирования исторических знаний и представлений, в том числе и представлений научного сообщества о своей науке (образ науки) и поиск самих себя в изменяющемся пространстве науки. Такой исследовательский ракурс явился следствием и одновременно отражением нескольких тесно связанных процессов, разворачивавшихся в историографии последней трети XX в., кажущихся на первый взгляд антагонистическими — сциентизации (с ярко выраженной науковедческой составляющей) и антропологическим поворотом, поставившим в центр исследовательского интереса человека.

На перекрестке этих поисков актуализируется категория «образ науки». Принципиально значимым для нас в прояснении ее сути является подход, согласно которому образ науки существует лишь в процессе непрерывного превращения полученного знания о науке в деятельность по изучению науки, лишь как единство этих взаимосвязанных сторон⁴. В сжато-структурированном виде образ науки может быть представлен как культивируемое в обществе, носящее конвенциальный характер представление: 1) о научном знании, своего рода модель науки; 2) о науке как социальном институте; 3) о закономерностях развития научного знания и генезисе науки как таковой; 4) об идеале научного знания

² Дмитриев. 2007. Ранее на это же обстоятельство указывали и авторы данной статьи, рассматривая историографические последствия разносной критики, которой подверглась работа Н. Л. Рубинштейна «Русская историография». См.: Корзун, Колеватов. 2006б. С. 430-434; Корзун, Колеватов. 2007. С. 62.

³ Родигина. 2006. С. 41.

⁴ Юлина. 1982б. С. 259-260; Юлина. 1982а. С. 79.

и базовых ценностях научного сообщества⁵. С нашей точки зрения, данная категория несет в себе важную функциональную заданность интегративного и адаптивного механизма в рамках научного сообщества, закрепляя определенные нормы и ценности, разделяемые, но, как правило, не проговариваемые «мы-группой». В то же время обратим внимание на то, что образ науки, как и любой другой, является интеллектуальным конструктом и отмечен печатью индивидуальности, несмотря на наличие общих культурных доминант, общего социального пространства, общей мифологии, маркирующей причастность к ученому сообществу и т.д. Он, разумеется, не является простой совокупностью индивидуальных представлений ученых, но интегрирующим, синтетическим их единством — целое больше суммы его частей.

Проблема трансформации образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие до самого последнего времени не была предметом специального исследования. Причины такого невнимания находятся не только в политической и идеологической сферах, но и в природе самого предмета исследования — в объективной сложности выделения постоянно создаваемого в процессе историографической практики образа науки из общего поля историографических представлений.

Тем не менее, многие аспекты интересующей нас проблемы получили отражение в литературе. В последнее время особенно оживился интерес к корпорации советских историков в первое послевоенное десятилетие и в том числе, используя метафору В. Рыжковского, к *Beyond* у советской историографии, к которому автор относит не только и не столько «перечисление успехов и достижений, не чествование заслуженных деятелей и подведение успешных итогов, но повествование о многих фигурах умолчания, о сделках с совестью, о не всегда оправданных и зачастую конформистских решениях — о тех словах и действиях, на которые была богата история советской науки»⁶.

Анализируя исследовательскую литературу, мы за точку отсчета взяли 1980-е гг., когда были предприняты попытки создания обобщающей концепции советской историографии и почти одновременно — ее переосмысления и жесткой критики; это были годы резкого противостояния историографических координат, а полемики напоминали больше дуэли, чем интеллектуальные диалоги. И далее более пристально мы намерены остановиться на литературе конца 1990-х – начала 2000-х гг., когда декларации и гипотезы, высказанные в предшествующий период,

⁵ См.: Кузнецов. 1985. С. 138; Корзун. 2000.

⁶ Рыжковский. 2009. С. 58.

стали обретать статус конкретных исследований, изменилось не только проблемное поле историографии, но и парадигмы историографического осмысления, пересматриваются базовые основания дисциплины. Авторы дают себе отчет в уязвимости подобной стратегии, хотя в свое оправдание заметим, что она продиктована не только ограниченностью объема статьи, но и стремлением выйти из поля «консервирующей» в поле проблемно-провоцирующей историографии.

В огромном массиве литературы мы выделили несколько проблемных узлов и попытались показать неизбежно происходящий разброс исследовательских интересов, познавательных интенций, и как следствие — высокую степень фрагментарности, мозаичности нынешнего состояния проблемы. Начнем с работ, в которых речь пойдет преимущественно об оценке феномена советской историографии.

Если обратиться к интересующим нас хронологическим границам (вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг.), то вплоть до конца 1980-х гг. историческая наука этого периода рассматривалась как поступательное развитие советской исторической мысли, сопровождаемое борьбой с буржуазным объективизмом и космополитизмом. В целом модель взаимоотношений между учеными и властью, когда власть выступала в качестве организатора и контролера научного знания, принималась и оценивалась как естественная, хотя, безусловно, авторы в духе времени говорили о влиянии культа личности Сталина. Такая концепция характерна для ряда обобщающих работ 1980-х гг.: учебника «Историография истории СССР (эпоха социализма)»⁷, пятого тома «Очерков истории исторической науки в СССР»⁸, а также монографии А. С. Барсенкова «Советская историческая наука в послевоенные годы (1945–1955)»⁹. Все указанные работы выдержаны в духе официального оптимизма, и стержнем интересующего нас периода называется неуклонно-поступательное развитие советской исторической науки, происходящее в общем благоприятных исторических условиях. В данных изданиях позитивно оценивается и процесс приращения нового знания, и тенденции и закономерности развития науки, и дальнейшее институциональное ее оформление. Эта повторяемость дает нам основания сосредоточиться на наиболее масштабном из перечисленных изданий — «Очерках истории исторической науки в СССР». В современной историографической литературе данное сочинение рассматривается в нега-

⁷ Историография истории СССР...

⁸ Очерки истории исторической науки...

⁹ Барсенков. 1988.

тивно-пренебрежительном ключе, как «явно задержавшийся реликт раннезастойной историографии, осколок проекта, первый том которого начал готовиться еще при Сталине <...> содержал тщательно отутюженную множеством редакторов и бдящих инстанций, коллективную, выверенную и взвешенную мысль цеха историков о самих себе. Этот солидный труд через пару лет станет восприниматься как образцовый свод полуправды и фигур умолчания, а вскоре и вовсе канет в Лету»¹⁰.

В общем, разделяя указанные оценки «Очерков» в плане высокой научности, мы не склонны к уничижительной риторике, для нас это, прежде всего, значимый историографический источник. Отраженный в нем официальный образ науки оказался итоговым для всего периода развития советской историографии. В рамках его, как отмечает автор цитируемой нами рецензии, «с набором руководящих и при этом весьма переменчивых идеологических догм были прочно сплавлены профессиональные принципы»¹¹, пригодные, стало быть, заметим мы, для критической рефлексии. Такая задача представляется актуальной, так как в настоящее время отечественная историография переживает процесс затнувшегося реформирования этого образа.

Акцентируя поступательность развития советской исторической науки, авторы «Очерков» в качестве положительных характеристик этапа, как и всего периода 1930–60-х гг., называют «творческое освоение теоретического, методологического и конкретно-исторического наследия К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, последовательную борьбу против буржуазных и ревизионистских доктрин, освобождение от волюнтаристско-догматических наслоений и ошибок»¹². В рамках такой официальной модели развития науки в целом позитивную оценку получают направленные «против аполитичности и безыдейности» партийные постановления 1940-х гг., которые «противопоставляли марксистско-ленинские принципы пролетарского интернационализма идеям буржуазного космополитизма и национализма»¹³ и ориентировали историков на решение важных задач. «Проработочные компании» 1947–48 гг. оцениваются как «широкий обмен мнениями по вопросам теории и идеологии повышения идейного уровня исторических трудов, в ходе которого и определились основные направления дальнейших исторических исследований»¹⁴. В качестве новой черты исторической науки от-

¹⁰ Дмитриев. 2007.

¹¹ Там же.

¹² Очерки исторической науки... С. 41.

¹³ Там же. С. 12.

¹⁴ Там же. С. 13.

мечено появление ряда крупных монографических исследований, распределявшихся, однако, неравномерно по периодам: изучались главным образом вопросы древней истории, проблемы феодализма, частично капитализма, значительно меньше было сделано в области разработки проблем истории советского общества¹⁵. Авторы «Очерков», по сути дела, осуществили смену жанра (библиография вместо историографии), ограничившись главным образом фиксацией работ, проблем, имен и достижений, и закрепили тем самым специфический стиль «историографического мышления» и, соответствующий образ историографии.

Тем не менее, определенные элементы критической аналитики присутствуют и при оценке интересующего нас периода, в частности реалий борьбы с космополитизмом: «Иногда важная задача раскрытия самостоятельного пути культурного развития русского народа на практике извращалась, что вело к умалению воздействия на русский народ прогрессивных идей, выработанных другими народами¹⁶.

Бегло упоминая «широкое обсуждение книги Н. Л. Рубинштейна «Русская историография», авторы «Очерков» констатируют, что в критике «не всегда сохранялась должная научная объективность»¹⁷. Серия разгромно-обличительных статей, посвященных творчеству выдающихся дореволюционных исследователей А. С. Лаппо-Данилевского, М. Д. Приселкова, А. А. Шахматова и др., оценивается как попытка преодоления буржуазного объективизма, но в то же время отмечается, что авторы статей не осветили позитивный вклад названных историков в изучение различных конкретных проблем, расширение источниковой базы, введение в оборот новых фактов т.п.¹⁸

В предложенном варианте проблемной историографии (а именно так выстроено основное пространство «Очерков») мы не найдем инвектив в адрес дореволюционных историков, они, наконец, вписаны в общее движение исторической мысли. Аналогичная процедура прodelывается и в отношении произведений и авторов, относившихся в рассматриваемый период к так называемой «скрытой культуре», невостребованной наукой. К примеру, труды С. Б. Веселовского, подвергавшиеся, как немарксистские, ожесточенным критическим атакам и опубликованные в значительной степени уже после XX съезда КПСС и

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 20.

¹⁸ Там же. С. 21. Стоит отметить, что автору цитируемого раздела «Очерков» Л. В. Черепнину принадлежала и упоминаемая им статья об А. С. Лаппо-Данилевском. — *Черепнин*. 1949. С. 30-51.

кончины самого историка, теперь расцениваются в позитивном плане и встраиваются в советский историографический *mainstream*. Они рассматриваются как «позволяющие более глубоко осветить аграрные отношения XIV–XVI вв., природу опричнины», хотя и отмечается в общем плане несоответствие концептуальных подходов Веселовского («существенно иные») и современной ему (а во многом и последующей) советской историографии¹⁹. При характеристике наиболее спорного для советской историографической традиции, момента — концептуального подхода Веселовского к изучению опричнины в «Очерках» избирается академически-дипломатическая риторика: «в целом концепция Веселовского не была принята советскими историками, но она оказала значительное влияние на последующие исследования»²⁰.

Развитие науки на страницах «Очерков» выглядит спрямленно-логичным, не соответствующим историческому пути (несоответствие логического и исторического). Логика развития науки, на наш взгляд, подменена академическим техницизмом, проигнорирован, попал в зону умолчания поворот к новому образу науки, характерному для эпохи позднего сталинизма, в котором акцентировались исключительность, самодостаточность, превосходство советской исторической науки относительно как мировой, так и дореволюционной. Трагический экзистенциальный опыт повседневной жизни научного сообщества оказался за пределами анализируемого нами текста. Естественным отражением такого подхода явилась по существу «обезлюдившая история науки», хотя заметим, что сам жанр научной биографии не отрицался в советской историографической традиции, но развивался по своим правилам, если не сказать, канонам. Итак, подготовленное издание уже в момент своего появления «не вмещало многие индивидуальные поиски и находки советских историков»²¹. В научном сообществе послевоенных лет возникает некий круг посвященных в реальную историю науки (от студента до профессора), позицию которых по отношению к официальному образу можно охарактеризовать как «герменевтику подозрения». Очевиден разрыв между представлениями «историографически озабоченной» части научного сообщества и образом науки в анализируемом коллективном проекте (несоответствие образов науки).

Для реконструкции образа науки чрезвычайно значимы представления о ее инфраструктуре, во многом определяющей характер и спе-

¹⁹ Очерки исторической науки... С. 13, 131, 140-141.

²⁰ Там же. С. 141.

²¹ Очерки истории отечественной исторической науки... С. 6-7.

цифику научных коммуникаций. Именно в коммуникативном пространстве укореняются, принимаются или опровергаются те или иные образы науки. В главе «Очерков» «Организация исторической науки и исторического образования. Историческая периодика» выразился интерес к инфраструктуре исторической науки, который был связан с возрастающим влиянием науковедения и социологии и в общем разворачивался в русле мировой тенденции сциентизации историографии. Представленная в «Очерках» инфраструктура науки (академические центры изучения истории, Институт марксизма-ленинизма, архивные учреждения, вузовская наука) отражала не только ее ведомственное деление, но и явно выраженную иерархию, которая в тексте не подвергается анализу. Не нашел отражения и такой процесс (уже зафиксированный ко времени выхода в свет «Очерков») как развертывание партийного образования и новый виток его институционализации, который приходится на послевоенный период²². Отталкиваясь от сложности инфраструктуры исторической науки и учитывая особенности корпоративной культуры, логично предположить, что различные ведомственные подразделения редуцировали и несколько различающиеся образы науки (в этом плане симптоматично выделение в особый раздел историко-партийной науки).

«Очерки» добросовестно воспроизводят и подкрепляют конкретным историографическим материалом системообразующие основания советского образа науки, которые для современного историографа выглядят, скорее всего, как дуальные оппозиции (партийность/научность, классовость/национальность, использование старой науки/борьба с буржуазной идеологией). В то же время историографическая специфика рассматриваемого периода растворяется в созданной авторами общей картине поступательного развития советской исторической науки.

Почти сразу данная концепция в период перестройки попадает в зону инкриминации. Наиболее радикальный проект осмысления советской историографии был выдвинут Ю. Н. Афанасьевым. Историческая наука всего советского периода, по Афанасьеву, это «особый политический феномен», идеологически связанный с партийной системой и выполняющий ее потребности, в котором очень мало научных элементов, а если они присутствуют, то только вопреки, а не благодаря системе²³. Историческая наука, в таком прочтении, выступает как гармоничный элемент тоталитарного общества, образ ее задается властью, соответственно проблема закономерности ее развития сводится к экстерналистическим

²² См.: *Историография истории СССР...* 1982. С. 133-146.

²³ Подробный анализ концепции см.: *Бычков, Свешников*. 2005. С. 299-304.

факторам. Во второй половине 1980-х гг. намечались и иные подходы, ориентирующие на изучение автономного пространства советской науки (Е. И. Голубев, А. И. Зевелев, Е. В. Чистякова). Этот подход обретет концептуальную определенность к середине 1990-х гг. Имеется в виду концепция «академического марксизма» А. Н. Дмитриева и концепция особенностей социализации молодого поколения историков-археологов (А. А. Формозов) — «чиновники от науки» как генераторы и трансляторы «главных теоретических положений, ставших ядром официальной схемы мировой истории (формационной теории)»²⁴. Применительно к нашему исследованию — это взгляд на сообщество советских историков середины XX в. как представителей различных генераций, наиболее систематически представленный в работах Л. А. Сидоровой. В них историческая наука предстает как сложный социокультурный феномен, который не может быть сведен только к обслуживающей роли корпорации историков политики советского руководства. Автор констатирует зависимость исторической науки от внешних факторов, определяющую роль среди которых играл контроль партийных органов, прямо вторгавшихся в исследовательскую деятельность историков, но при этом акцентирует внимание и на взаимодействии внешних и внутренних факторов развития исторической науки, обращаясь к корпорации историков с ее правилами «игры» и ценностям. Через генерации историков автор выходит на проблему образа науки, который транслируется как через исследовательские практики историков, так и через коммуникации в их различных формах, в том числе и на уровне личного общения.

Многолетние исследования Л. А. Сидоровой обобщены в недавно вышедшей монографии «Советская историческая наука середины XX в.: Синтез трех поколений историков»²⁵. Работая, по существу, в русле интеллектуальной истории, Л. А. Сидорова обращается к реконструкции мыслительных кодов эпохи, к механизмам влияния «большой социальности» на содержательную сторону науки, ее образ. Начало 1949 года, указывает она, было отмечено последним всплеском борьбы с космополитизмом, ее сменяет новая идеологическая кампания, связанная с работой И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»:

После нескольких лет нагнетания атмосферы борьбы с буржуазным объективизмом и космополитизмом, приведшей к негативным трактовкам достижений русской дореволюционной исторической науки, некоторые тезисы этой дискуссии возвращали ситуацию в отечественной историографии в бо-

²⁴ Там же. С. 305-306.

²⁵ Она же. 2008.

лее благоприятное русло, которое было проложено в конце 1930-х гг. в результате критики школы Покровского... советские историки вновь получили доступ к традициям своей науки²⁶.

Автор показывает, что «доступ к традициям» носил неизбежно ограниченный характер, одним из важнейших вопросов, разделявших старую дореволюционную и новую советскую («марксистскую») науку, был вопрос об отношении к историческому источнику и историческому факту — исключение из исследовательской практики источников, не прошедших тест на идеологическую выдержанность, не рассматривалось как нарушение принципа историзма. Таким образом, концептуальное могло не вытекать из фактологического, напротив, факты подгонялись под идеологически приемлемую, официально признанную концепцию. Такая позиция требовала непростой исследовательской переориентации историков «старой школы» (она была совершенно неприемлемой для многих ее представителей, показательна в этом плане ссылка на С. Б. Веселовского) и, в то же время, оказывалась гораздо более органична для поколения «красных профессоров»²⁷.

Как нам представляется, автор подходит к новой проблеме — «усредненной депрофессионализации» официально признанной науки и неизбежной индивидуализации и маргинализации противостоящих ей вариантов. Признание правил игры, декларирование своей приверженности к марксистской методологии вовсе не означало приятия ее по существу. Автор выделяет три модели использования такой методологии — творческую, догматическую и формальную, хотя обращает внимание и на различные их сочетания.

В массиве литературы общего плана выделим в отдельную группу науковедческие и историко-научные исследования, написанные в рамках социальной парадигмы, с привлечением науковедческих методик²⁸. Обратим внимание на сделанный в коллективной монографии «Наука и кризисы...» вывод, который диссонирует с закрепившимися в историографии оценками взаимоотношений советской науки и власти:

«фактически наука всегда находится в симбиотических отношениях с государством, а ученые при любых режимах находят способ служить ее интересам. И хотя советская наука действительно контролировалась сильнее, чем это могли себе представить критики тоталитаризма, научному сообществу в этих условиях удалось мобилизовать намного больше материально-

²⁶ Там же. С. 73.

²⁷ Там же. С. 111.

²⁸ Булыгина. 2000; Грэхэм. 1991; 1998; «За «железным занавесом»...; Наука и кризисы... и др.

финансовых ресурсов, чем могли надеяться самые убежденные сторонники академических свобод» и «поведение ученых, их взаимоотношения с властями, с государством и обществом очень схожи и при фашизме, и при коммунизме, и при либерализме»²⁹.

Историками науки, в основном естественниками, была обозначена и проблема феномена «сталинской науки».

Самой разрабатываемой в интересующем нас поле была и остается проблематика взаимоотношений власти и корпорации историков. Для второй половины 1980-х – 1990-х гг. была характерна акцентировка на давлении со стороны власти (что нашло отражение и в названиях работ, например, «Репрессированная наука») ³⁰. Эти работы демонстрируют чаще всего историографическую модель, где власть — олицетворение зла, а историк — жертва. К началу 2000-х гг. исследователи начинают выстраивать более сложную и детальную картину взаимоотношений историков и власти ³¹. Заметна тенденция к постановке проблемы ответственности историка, к рассмотрению взаимоотношений между властью и корпорацией историков как возможного «диалога», а не только одностороннего диктата со стороны власти. Как плодотворную, можно отметить попытку выявить точки пересечения социального заказа власти и внутренних тенденций развития самой науки и научных сообществ.

В работах отечественных (А. Н. Дмитриев, А. М. Дубровский, Д. М. Колеватов, А. В. Свешников, М. А. Мамонтова и др.) и зарубежных (К. М. Ф. Платт, Ф. Б. Шенк) исследователей ³² ставится проблема культурных и интеллектуальных предпосылок происходивших процессов и событий в послевоенном советском обществе и в корпорации историков, проясняются основания для сближения власти и ученых.

Проиллюстрируем этот процесс, обратившись к трудам Ф. Б. Шенка и К. М. Ф. Платта ³³. В фокусе нашего внимания оказались эти исследования, получившие широкую известность в последнее время, благодаря не только переводу на русский язык, но прежде всего тем новым подходам, которые авторы реализовали применительно к исследованию советской исторической науки и исторического сознания.

²⁹ См.: Наука и кризисы... С. 999-1000.

³⁰ Волобуев, Кулешов. 1989. С. 312-333; Маслов. 1989. С. 344-352; Репрессированная наука...; Бордюгов, Козлов. 1992; Балакин. 1997; Советская историография...

³¹ Корзун, Колеватов. 2006а. С. 199-224; Свешников. 2006. С. 78-111.

³² Дубровский. 2005б; Дмитриев. 2007а; 2007б. С. 32-56; Шенк. 2007; Платт. 2008; Колеватов. 2008. С. 26-33; Мамонтова. 2008. С. 20-25; Свешников. 2006. С. 78-111.

³³ Платт. Указ. соч.; Шенк. Указ. соч.

Работа Шенка проблематизирует связь исторической памяти с рамочными условиями — социально-политической и социокультурной контекстуальностью советского общества. Обратим внимание на то, что историческая наука не является предметом специального рассмотрения автора, она анализируется им как часть социокультурной характеристики эпохи. Автор показывает место производства текстов и образов об Александре Невском в советском дискурсе памяти, значение образа «князя-героя» для создания героического нарратива, посвященного победе советского народа в Великой Отечественной войне, роль историков в этих процессах. Что особенно важно для нашего исследования, автор ставит вопрос о трансформации образа Александра Невского в послевоенный период в культурной памяти и профессиональной науке, о неполном совпадении этих процессов. С одной стороны, историческая наука активно участвует в процессе «воспроизводства и трансформации» героического нарратива. Причем, как отмечает Шенк, исторический *mainstream* все в большей мере зависел от сложившихся стереотипов, культурных доминант: цитаты из публицистики и художественной литературы (а также фильма С. Эйзенштейна), выполнявших формирующую роль в «героической мифологизации» образа Александра Невского, включаются в «источниковую базу» в сочинениях известных профессиональных историков. С другой стороны, появляются историки, пытающиеся «поверить алгеброй гармонию», с профессиональных позиций отделить мифологическое от реального в образе выдающегося деятеля. Автор справедливо замечает, что такого рода публикации носят периферийный характер и практически не влияют на восприятие образа Невского в массовом историческом сознании.

Шенк отмечает функциональную устойчивость героического нарратива, посвященного князю: он используется как способ достижения внутренней сплоченности общества («мы-группы»), мобилизации его на борьбу с внешним врагом. Образ Александра Невского, по Шенку, даже в послевоенное время не может рассматриваться отдельно от дискурса о Великой Отечественной, и функциональная, сакральная значимость последнего приводит к тому, что даже в последующем, в процессе десталинизации образы организаторов-предводителей патриотической борьбы остаются неприкосновенными. В то же время Шенк отмечает трансформацию образа под влиянием «холодной войны», обращая внимание на изменение исторической акцентировки в этот период. В отличие от военного времени, когда подчеркивалось национальное противостояние, усиливается социально-классовая направленность: Александр

Невский выступает как руководитель общенародной борьбы с иноземными (немецкими, шведскими и т.д.) феодалами, причем решающая роль в этой борьбе отводится социальным низам.

Несмотря на то, что работа американского исследователя Кевина Платта посвящена периоду 1930-х гг., она особо значима в силу предлагаемых методологических ходов. Автор сосредоточивает внимание на природе сталинской реабилитации Ивана Грозного и Петра I, героически знаковых фигур и для интересующего нас послевоенного десятилетия. Он подчеркивает «пороговость или лиминальность культурных значений, им придаваемых»³⁴, это своего рода «фигуры, размечающие границы территории культурной идентичности»³⁵. Автор задается вопросом: почему именно эти фигуры российского прошлого стараются использовать для демаркации пространства национальной идентичности? В какой мере национальный исторический контекст, частью которого они являлись, влиял на решения партийного руководства в «вопросах исторического ревизионизма или идеологического дискурса в целом»³⁶. Помимо пороговой значимости указанных фигур, Платт указывает «на невозможность отказаться вовлекать их в переживаемый исторический опыт — национальная история была уже расчерчена на карте настоящего»³⁷. Востребованность «великих и героических царей-преобразователей» автор объясняет, в конечном счете, схожестью исторических ситуаций — экстатическое превознесение государственных успехов и государственной справедливости на переднем плане и устойчивая память о репрессиях и беззакониях характеризует перекликающиеся эпохи (повторяющаяся, репродуцируемая травма). Утверждение общности эпох, по Платту, должно было подкреплять тезис о неизменной основе государственной идентичности: «Не руководство партии придумало мифологизирующую перекличку Ивана Грозного и Петра I с собственно большевистской революцией — оно просто поставило ее на службу»³⁸. Автор указывает на разнящиеся дискурсивные практики и состязания между различными эшелонами партийного руководства, писателями, публицистами, историками и советским обществом в целом в присвоении прошлого, при этом им справедливо подчеркивается противоречивость как самих исторических фигур, так и прошлого в целом.

³⁴ Платт. Указ. соч. С. 75.

³⁵ В данном случае автор, как он сам указывает, следует определению Петера Сталлибраса и Аллона Уайта. См.: Платт. Указ. соч. С. 80.

³⁶ Там же. С. 64.

³⁷ Там же. С. 70-71.

³⁸ Там же. С. 70.

В то же время Платт отмечает: гуманитариев, профессионально занимавшихся «пороговыми самодержцами», объединяло «аксиоматическое единодушие», неизменная вера в наличие единственно верной интерпретации российского прошлого. Искомый таким образом синтез Платт определяет как химерический³⁹. Как видим, историк обозначил, правда, достаточно бегло, еще одну важную проблему — зависимость властных попыток присвоения прошлого от особенностей национальной истории и наличного опыта ее интерпретации. Сам Платт считает, что его подход нацелен в первую очередь на проблемы герменевтические: «В общем, помимо рассказа о том, что Сталин сделал с образами Ивана Грозного и Петра I, я хотел бы рассказать еще и о том, что эти двое сделали с самим Сталиным»⁴⁰. Поставленный вопрос, к сожалению, остался без ответа. Но непроясненность данного сюжета не снимает проблему стереотипизации исторического мышления, скорее подтверждает ее актуальность и сложность. Сталинское видение истории, полагает автор, отличалось своеобразной содержательной объемностью, в нем сочетались «элементы, заимствованные из прежних официально одобренных положений Покровского со сменевеховством Устрялова», а «оба эти момента (хотя и противоположным образом) были связаны с дореволюционными традициями русской исторической мысли»⁴¹. «Радикальный характер сталинского ревизионизма состоял не столько в интерпретативных нововведениях как таковых, сколько в алхимическом сочетании казалось бы диаметрально противоположных позиций»⁴².

Такая трактовка отличается от взглядов отечественных историков, для которых характерно (в большей или меньшей мере) спрямление процесса — революционная традиция в историческом сознании сменяется новоимперской. Да и в определении тенденций в отношении власти к науке и научным сообществам американские историки, пожалуй, более историчны. В частности, Давид Джоравски обращает внимание на их зигзагообразную схему: «броски (власти — В. К., Д. К.) от политической поддержки независимых научных исследований к резкому их неприятию, а затем вновь к политике ограниченной поддержки»⁴³.

Публикации зарубежных авторов отличаются нацеленностью на пересмотр долговременных предпочтений российской культурной традиции, ее героической персонификации, актуализированной в первое

³⁹ Там же. С. 78.

⁴⁰ Там же. С. 65.

⁴¹ Там же. С. 45, 57.

⁴² Там же. С. 65.

⁴³ Джоравски. 2001. С. 239.

послевоенное десятилетие. Взгляд со стороны, вневхождение по отношению к культурной традиции, создают эффект остранения, и авторы находят нетривиальные характеристики как для отечественной культурной и историографической традиции в целом, так и для места в этой традиции складывающегося образа исторической науки.

В рамках второго проблемного узла («историк и власть») отметим поворот к более конкретному изучению советской исторической науки рассматриваемого периода. Усиливается интерес, прежде всего, к социальной истории науки, к ее трагическим страницам, что естественно, поскольку ранее эти сюжеты чаще всего просто замалчивались. Расширение источниковой базы⁴⁴ позволило взглянуть на многие события в ином ракурсе: детально прописываются идеологические кампании, в частности «борьба с космополитизмом»⁴⁵, «суды чести»⁴⁶, научные дискуссии и их специфические формы в научном сообществе второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. Тем самым обозначаются проблемы типов коммуникаций и механизма контроля за наукой, что проясняет не только бытование образа науки, но и коррелирующих его факторов.

Акцентируя внимание на социальном контексте, авторы указанных публикаций специально не останавливаются на внутринаучных факторах развития, взаимосвязи и возможного единства внешней и внутренней социальности науки. Исключение — работа А. М. Дубровского⁴⁷, в которой властное давление рассматривается в плане его взаимодействия с внутринаучными факторами, намечаются индивидуальные стратегии историков, ставится вопрос о зависимости научных стратегий и исследовательских практик от контекста. По сути, в книге Дубровского речь идет об образе исторической науки, хотя автор специально не озабочен этой проблемой. В работе выделяются основные тенденции развития историографии в 1940–50-е гг., трансформация образа советской исторической науки вписывается в общественно-политический, идеологиче-

⁴⁴ Публикации многочисленных документов по истории исторической науки: Академия наук в решениях Политбюро...; Власть и художественная интеллигенция...; Цензура в Советском Союзе...; Аппарат ЦК КПСС и культура...; Москва послевоенная...; Советская повседневность и массовое сознание...; Советская жизнь...; Сталин и космополитизм...; И. В. Сталин. Историческая идеология в СССР... и др.

⁴⁵ Пыстина. 1993; Давидсон. 2007; История как игра метафор...; Панях. 1996. С. 686–696; Костырченко. 1997. С. 90–149; Сизов. 2001; Кемеровский государственный университет...; Костырченко. 2003; Елизаров. 2004. С. 179–213; Еремеева. 2004. С. 71–73; Матвеева. 2004. С. 283–288; Сизов. 2004. С. 95–103; Кефнер. 2006. С. 225–247; Колеватов. 2006. С. 121–141; Люстигер. 2008; Костырченко. 2009 и др.

⁴⁶ Есаков, Левина. 2005; Кременцов. 2004; Кременцов. [Электронный ресурс].

⁴⁷ Дубровский. 2005б.

ский контекст эпохи, прописанный подробно, с привлечением ранее не использовавшихся источников. Автор показывает изменения в концептуальном поле советского патриотизма: «с 1943 года взяло начало политико-идеологическое наступление внутри СССР, широко развернувшееся в стране после войны. Коренной перелом в войне дал импульс для эволюции партийно-государственной идеологии в сторону непросвещенного патриотизма, руссоцентризма и великодержавия»⁴⁸. В концепции истории, оформляющейся во второй половине 1930-х гг. и сочетающей «революционно-классовую и национально-патриотическую, в чем-то великодержавную стороны»⁴⁹, усилилась вторая ее составляющая.

Отметим, что для отечественной исторической науки отмеченную трансформацию нельзя рассматривать однозначно негативно, идеологическое переходило в научное отнюдь не автоматически (происходил сложный процесс принятия/интерпретации/реализации идеологических новаций). Само содержание рассматриваемой монографии свидетельствует, что в эти годы закрепляется тенденция преодоления национально-нигилизма в отечественной историографии, происходит возрождение некоторых идей дореволюционной историографии (например, о роли государства в российской истории). Этот тезис раскрывается автором в главе «Тенденции в исторической науке в 1940–1950-е гг.». Модель науки, задаваемая властью, поддерживаемая в целом научным сообществом, укореняется в виде транслируемых образов в публицистике и в учебной литературе. Закрепляется героический, возвышающий образ отечественной истории. Проявлением указанных тенденций Дубровский считает новый подход к освещению темы присоединения народов к России (формула «наименьшего зла преобразуется в формулу «абсолютного блага»). В конце войны и в первые послевоенные годы «расцвета достигли культ сильного централизованного государства, вождизм, идея исторической преемственности СССР и дореволюционной России. В это же время акцентируется классовое содержание указанных процессов, свертываются политико-идеологические послабления, которые были допущены в годы войны»⁵⁰, а советская современность рассматривается «как вершина всечеловеческого развития»⁵¹.

А. М. Дубровский подошел к чрезвычайно важной проблеме об аксиологических установках: он подчеркивает стремление всех советских историков к получению конечного, единственно верного знания об исто-

⁴⁸ Там же. С. 424.

⁴⁹ Там же. С. 360.

⁵⁰ Там же. С. 519.

⁵¹ Там же. С. 499.

рическом прошлом России. Однако автор сосредоточил внимание скорее на последствиях указанных мыслительных кодов, чем на их прояснении. Он размышляет о концептуальной стагнации советской историографии (на примерах дискуссии о критериях периодизации отечественной истории, проблемы специфики русской истории, предпосылок образования Российского государства и т.д.). С его точки зрения, «на концептуальном уровне резервы были исчерпаны или почти исчерпаны, что, впрочем, не закрывало пути к решению множества частных вопросов и разработке тех или иных тем»⁵². Эти ремарки весьма показательны: намечается изменение в проблемном поле самой историографии как дисциплины — дисциплинарная рефлексия (о проблемном поле истории и её эпистемологических основаниях) становится предметом интереса историографа).

К достоинствам книги мы относим и попытку связать образ науки с образом ученого-историка. При этом автор избежал излюбленного в последнее время противопоставления дореволюционных (хороших) и советских «красных профессоров» (плохих, по определению). Реально, отечественные историки в 1930–50-е гг. «пережили нивелировку под напором тех жизненных обстоятельств, которые создала для них государственная власть». Происходила профессионализация красных профессоров, трансформация их из интернационалистов в патриотов, воспевающих достижения дореволюционной России. В то же время происходила «марксизация» старых историков — они приучаются использовать цитаты и концептуальные идеи, почерпнутые из трудов «классиков марксизма». Для характеристики итогов процесса трансформации «старых специалистов» Дубровский вводит понятие «марксизированные либералы»⁵³. Представляет интерес и постановка вопроса о «скрытой культуре», «несистемных элементах» советской историографии, вольно или невольно противостоящих официальной науке. Именно в этом ракурсе представлено творчество А. П. Спундэ и С. Я. Лурье, теоретические поиски П. П. Смирнова и В. Г. Карцева, отвергнутые властью работы С. В. Бахрушина и С. Б. Веселовского.

Антропологический ракурс рассмотрения истории исторической науки с несколько иными вариантами проблематики характерен также для авторского коллектива монографии «Историк и власть: советские историки сталинской эпохи». Рассматривая советскую историографию в «контексте задаваемой властью модели, авторы обратили внимание на различные поведенческие стратегии историков, на различие их позиций

⁵² Там же. С. 651, 787.

⁵³ Там же. С. 782-783.

в «боях за историю»; предпринята также попытка построить типологию личности историка. В плане реконструкции образа науки представляет интерес опыт осмысления различного отношения ученых-историков к своей науке, зависимость этого отношения от личностных особенностей, социального позиционирования, превратностей судьбы. Обращаясь к биографиям, статусным позициям и творческим судьбам В. П. Волгина, Н. М. Лукина, П. Г. Любомирова, исследователи обозначают возможные поведенческие стратегии соответственно: «историк руководящий», «историк воюющий» и «историк страдающий».

Особый интерес представляет написанная А. В. Гордоном глава «Революционная традиция и имперские модели: историческая наука последнего сталинского десятилетия», определяющая программу монографии в целом. Интересующий нас период охарактеризован в общих чертах (автор сосредоточил внимание на предвоенном и военном времени): отмечена тенденция развития историографических представлений в сторону имперских моделей, «отчетливая идентификация Российской империи прямо со сталинским режимом»⁵⁴, доминирование изоляционистских установок, утвердившихся в ходе кампаний по борьбе с космополитизмом. Такую коррекцию в образе исторической науки автор объясняет, с одной стороны, трансформацией общей социальности — «соединением политических задач государственного руководства с естественными устремлениями миллионов людей, нуждавшихся в духовной поддержке своих беспримерных жертвенных усилий» в годы Великой Отечественной войны⁵⁵. В годы войны история становится «мобилизованной, военнообязанной». С другой стороны, автор фиксирует изменения настроений в сообществе историков: «был установлен новый прожектор истории», высвечивающий сцепление истории с современностью. Этот тезис иллюстрируется творчеством как историков, сформировавшихся в дореволюционный период, так и историков новой генерации. К несомненным достоинствам текста А. В. Гордона следует отнести попытку показать процесс «концептуального перевооружения» историков в контекстуальности развития советской гуманитаристики, в частности, в сопоставлении с историческим моделированием деятелей литературы. Эта линия исследования представляется плодотворной и перспективной. По существу, речь идёт о смене парадигм исследования советской историографии — повороте к социокультурному её видению. Но, тем не менее, отметим, что имперский нарратив представлен в дан-

⁵⁴ Там же. С. 98.

⁵⁵ Там же. С. 97.

ном разделе монографии несколько спрямленно и односторонне в плане радикального разрыва с предшествующей советской историографической традицией. Естественно, возникает вопрос: какова же судьба революционной традиции (доминантной в предшествующий период развития историографии). Ответ, который дает автор, представляется несколько упрощенным: происходило ее преодоление, хотя «революционную традицию было не так-то легко упразднить»⁵⁶.

Заметным явлением стал нарастающий интерес к биографиям историков прошлых времен и к автобиографическому самовыражению историков, практикующих «здесь и сейчас»⁵⁷. В этих работах ставится вопрос о пределах свободы историка от официальной идеологии и политики. Попытки приоткрыть творческую лабораторию историков, обратиться к вопросам преемственности научной традиции, к проблеме формирования школы в науке были предприняты авторами многотомных очерков «Портреты историков: Время и судьбы» и коллективной работы «Историки России. Послевоенное поколение»⁵⁸.

Среди историков, вызвавших особый интерес в историографии, выделяется фигура Н. Л. Рубинштейна, знаковая для этого периода — он стал мишенью в идеологических кампаниях, а его «Русская историография» была подвергнута обсуждению по всем «нормам» сталинских дискуссий⁵⁹. События, происходящие в советской исторической науке, отразились на его судьбе и творчестве, что дает материал для размышлений о взаимодействии науки и политики, науки и нравственности. Применительно к образу науки отнесаются следующие вопросы, затрагиваемые современными исследователями: насколько концепция развития отечественной исторической науки, отрефлексированная в «Русской историографии», отражала парадигмальные изменения в связи с утверждением марксистской методологии, насколько она была связана с предшествующей культурной традицией, как происходит «сброс» историографических наработок под воздействием социальных факторов. Авторами данной статьи был сделан вывод о том, что в результате критической атаки на Н. Л. Рубинштейна на смену концептуальному виде-

⁵⁶ Там же. С. 104.

⁵⁷ Историки России...; Историческая наука в России...; Каганович. 1995; Жуковская. 1999; Панях. 2000; 2005; Твардовская, 2003; Шарова. 2003; Дубровский. 2005а и др.

⁵⁸ Портреты историков...; Историки России. Послевоенное поколение...

⁵⁹ Медушевская. 1999. С. 233-235; Муравьев. 1999. С. 228-233; Шмидт. 1999. С. 202-227; Цамутали. 2001; Цамутали. 2001а; Шаханов. 2005; Корзун, Колеватов. 2007; Мандрик. 2008.

нию исторической науки приходит проблемный принцип ее построения, из образа науки вымывается всемирно-исторический контекст⁶⁰.

Взлет интеллектуальной истории актуализировал внимание к процессам формирования, трансляции и рецепции исторического знания, хотя работа в данном направлении только начинается. Омские историки в русле антропологического подхода рассматривают индивидуальные стратегии и практики научного сообщества, способы трансляции образа науки через создание героического нарратива и роли историков в этих процессах, через Всесоюзное Общество по распространению политических и научных знаний, через периодическую печать, кинематограф⁶¹. Изучаются и такие значимые каналы трансляции, как учебники и художественная литература, причем наиболее интенсивно эта проблематика развивается в американской и европейской традициях⁶².

Наконец, остановимся на работах, в которых очерчено социокультурное и общественно-политическое пространство послевоенного советского общества — контекст бытования советской науки, воссоздаются условия повседневных практик советских людей, и в том числе советских ученых как части этого общества⁶³. Эта социокультурная среда оказывает влияние на «жизненный мир» историка, его идеалы и установки. Модели социального поведения, условия творческой деятельности во многом определяют и организацию научной жизни, задают как координаты научно-исследовательской деятельности, так и поведенческие стратегии в научном сообществе и за его границами.

Даже беглый экскурс позволяет сделать вывод, что образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие претерпевает определенную трансформацию, которую констатируют все современные исследователи. Сходятся они и при определении направленности такой трансформации от космополитически революционного к национально-имперскому, от идеи единства науки к изоляционистской самодостаточности. Рассмотренные публикации отличаются по степени проблематизации своих подходов, способности перейти от научного фактажа к созданию общей картины развития исторической науки, прибегнуть к травматической деконструкции культурной и научной традиции, для

⁶⁰ См.: Корзун., Колеватов. 2006б; 2007.

⁶¹ Корзун, Колеватов. 2006б; Мамонтова. 2006; 2007а; 2007б; Кныш. 2007; 2008; Корзун, Кныш. 2009 и др.

⁶² Дубровский. 2005б; Платт. Указ. соч.; Epic Revisionism... и др.

⁶³ Зубкова. 1999; Данилов, Пыжиков. 2001; Андреевский. 2003; Холодная война...; Антипина. 2005; Ваксер 2005; Иванова. 2006; Лейбович. 2008; Рыженко. 2008; Мамонтова. 2009. С. 126-130; Рольф. 2009 и др.

того чтобы «задеть за живое», создать поле интеллектуального напряжения. Образ науки, при всех сложностях его постижения, начинает осмысливаться как персонифицированный, очеловеченный, что является бесспорным достижением. В то же время при фиксации индивидуально-уникального, идеологических и методологических различий между историками первого послевоенного десятилетия, современная историография подходит к важной проблеме — когнитивным принципам организации науки. Наблюдается, в первом приближении, пока в основном фрагментарно, попытка выделить элементы рефлексии по поводу закономерности развития исторической науки в интересующий нас период, что является одной из важнейших составляющих ее образа. Обозначим эту прорисовывающуюся новацию как вторую координату.

Третья координата на новой историографической карте — размышления об универсальности или уникальности черт советской исторической науки первого послевоенного десятилетия относительно мировой историографии, что предполагает компаративное исследование. Этот важнейший для прояснения образа науки сюжет остался за рамками обзора. Назовем лишь знаковый в этом плане коллективный труд «Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки», где предпринята масштабная попытка сравнительного институционального и содержательного анализа науки в ее национальных вариантах бытования⁶⁴.

Четвертая координата на карте возможных историографических исследований образа науки подсказывается нам провокационной продуктивностью «взгляда со стороны» Ф. Б. Шенка и К. Платта, предпринявших попытку показать зависимость той или иной стратегии интерпретации исторических героев от глубинных структур национальной культурной традиции, «мозаики символов культурной идентичности».

Когда была уже поставлена точка, у авторов возникло ощущение некоторой недоговоренности. Нас мучил вопрос: не спрямляем ли мы историографический процесс под наше видение объекта исследования (образа исторической науки), и как анализируемые нами авторы ощущают себя в рамках антропологического, культурологического поворотов? Ведь многие из них в частных беседах и в дискуссиях на научных конференциях заявляют антитеоретическую позицию, иронизируют над новыми направлениями и языком историографии. А у нас получается, как по Мольеру: герои давно уже говорят прозой, сами не ведая того.

⁶⁴ Наука и кризисы... Представляется перспективным в плане прояснения образа науки использование концепции перехода от модели интернациональной науки к модели национально-государственной науки. См.: *Дмитриев*. 2007.

Но что поделать? Историограф выступает как соавтор-интерпретатор, выявляющий ту совокупность значений и смыслов, которая принадлежит данному историографическому труду (трудам), автору (авторам). Эта процедура невозможна без включения анализируемых историографических фактов в свое видение социокультурного контекста, без соотнесения с собственным позиционированием в историографическом поле. Познающий субъект (назовем себя так) включен в рассматриваемую им историографическую картину с её теоретическими доминантами и неизбежной, зачастую плодотворной, периферийностью; эмпирикой и поисками теоретических новаций. В этом поле он одновременно схватывает, выстраивает «мысле-образ» интересующего его объекта, включая промежуточные интерпретации историков, «которые жили до него недавно и давно»⁶⁵, и тем фокусирует на себе «историографическое время» как состоявшееся, так и длящееся. В противном случае, функции историографа сводились бы к простому собирательству — в корзинку по грибочку (по концепции). Но этот этап историография уже прошла.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. М.: РОССПЭН, 2000. 592 с.
- Андреевский Г. В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. (30-е годы). М.: «Молодая гвардия», 2003. 436 с.
- Антипина В. А.* Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950 гг. М.: «Молодая гвардия», 2005. 408 с.
- Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. М.: РОССПЭН, 2001. 807 с.
- Балакин В. С.* Отечественная наука в 50-е – серед. 70-х гг. XX в. (Опыт изучения социокультурных проблем). Челябинск: ЧГТУ, 1997. 204 с.
- Барсенков А. С.* Советская историческая наука в послевоенные годы: 1945–1955. М.: Изд-во МГУ, 1988. 144 с.
- Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М.: Политиздат, 1992. 352 с.
- Булыгина Т. А.* Общественные науки в СССР (1945–1985). М., 2000.
- Бычков С. П., Свейников А. В.* Проблема феномена советской историографии // Очерки истории отечественной исторической науки XX века: Монография / Под ред. В. П. Корзун. Омск: ОмГУ, 2005. С. 299-304.
- Ваксер А. З.* Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб.: Остров, 2005. 435 с.
- Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК-ОГП-НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: Международный фонд «Демократия», 2000. 872 с.
- Волобуев О. В., Кулешов С.* История по-сталински // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М.: Политиздат, 1989. С. 312-333.

⁶⁵ Гуревич. 1996. С. 109.

- Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в советском союзе. М.: Политиздат, 1991. 480 с.
- Грэхэм Л. Р. Очерки истории российской и советской науки, М., 1998.
- Гуревич А. Я. «Территория историка» // Одиссей. 1996. М., 1996. С. 81-109.
- Давидсон А. Б. Историка ленинградского университета в разгар кампании против «низкопоклонства перед Западом» // Одиссей. 2007. М., 2007. С. 354-356.
- Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М.: РОССПЭН, 2001. 303 с.
- Джоравски Д. Сталинский менталитет и научное знание // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период / Сост. М. Дэвид-Фрике. Самара: Самарский университет, 2001.
- Дмитриев А. Н. Время историков [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2007а. № 5 (055). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/55/dm21.html> (время доступа 19.03.2010).
- Дмитриев А. Н. От академического интернационализма к системе национально-государственной науки // Наука, техника и общество России и Германии во время первой мировой войны. СПб.: Нестор-История, 2007б. С. 32-55.
- Дубровский А. М. Александр Александрович Зимин: трудный путь исканий // Отечественная история. 2005а. № 4.
- Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та им. акад. И. Г. Петровского, 2005б.
- Дубровский А. М. От академического интернационализма к системе национально-государственной науки // Наука, техника и общество России и Германии во время первой мировой войны. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 32-56.
- Елизаров Б. С. К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 году // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 179-213.
- Еремеева А. Н. Провинциальный ученый в условиях борьбы с «низкопоклонством» перед западом // Интеллигенция России и запада в XX–XXI вв.: выбор и реализация путей общественного развития. Екатеринбург, 2004. С. 71-73.
- Есаков В. Д., Левина Е. С. Сталинские «суды чести»: «Дело «КР»». М.: Наука, 2005, 423 с.
- Жуковская Т. Н. Анатолий Васильевич Предтеченский (1893–1966) // Анатолий Васильевич Предтеченский. Из творческого наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
- «За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 527 с.
- Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–53. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
- Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука. 2006. 438 с.
- И. В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920–50-е годы: переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Ч. 1. 1920–1930-е годы / Сост. М. В. Зеленев. СПб., 2006. 496 с.
- Историки России. Биографии. М.: РОССПЭН. 2001. 911 с.
- Историки России. Послевоенное поколение. М.: АИРО-XX, 2000. 238 с.

- Историография истории СССР (эпоха социализма): Учебник / Под ред. И. И. Минца. М.: Высшая школа, 1982. 336 с.
- Историческая наука в России в XX веке. М.: Скрипторий, 1997. 563 с.
- Каганович Б. С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. 138 с.
- Кемеровский государственный университет: Страницы истории. Кемерово, 2002.
- Кефнер Н. В.* Сибирские историки в фокусе идеологических кампаний первого послевоенного десятилетия // Мир историка. Вып. 2. Омск: ОмГУ, 2006. С. 225-247.
- Кныш Н. А.* Образ советской исторической науки и историка в газете «Культура и жизнь» (к вопросу об особенностях коммуникативного пространства) // Мир историка. Вып. 4. Омск: ОмГУ, 2008. С. 332-364.
- Кныш Н. А.* Образ ученого в художественном кинематографе конца 1940-х – начала 1950-х гг. // Вестник Челябинского государственного университета. История. Выпуск 21. 2007. № 18 (96). С. 119-136.
- Колеватов Д. М.* Научное сообщество как социальный фильтр («Репрессивное давление» в научной судьбе М. А. Гудошникова и М. К. Азадовского 1940-х гг.) // Мир историка. Историографический сборник. Вып.1. Омск: ОмГУ, 2006. С. 121-141.
- Колеватов Д. М.* Начало «холодной войны» и поворот к изоляционизму в исторической науке (по материалам журнала «Вопросы истории») // Исторический ежегодник. Вып. 2. Омск: ОмГУ, 2008. С. 26-33.
- Корзун В. П.* Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург: Изд-во Омского госуниверситета, Изд-во Уральского университета, 2000. 226 с.
- Корзун В. П., Кныш Н. А.* Герои и антигерои в историко-биографическом кинофильме второй половины 1940-х – начала 1950-х годов // Художник. Творчество. Эпоха. Диалог культур: от века XX к веку XXI. Вып. 5. Омск: Наука, 2009. С. 119-125.
- Корзун В. П., Колеватов Д. М.* «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна в социокультурном контексте эпохи // Диалог со временем. 2007. Вып. 20. С. 24-62.
- Корзун В. П., Колеватов Д. М.* Социальный заказ и трансформация образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 2. Омск: ОмГУ, 2006а. С. 199-224.
- Корзун В. П., Колеватов Д. М.* Судьба книги – судьба науки // Научное знание: теоретические основания и коммуникативные практики. М., 2006б.
- Костырченко Г. В.* Идеологические чистки второй половины 40-х годов: псевдопатриоты против псевдокосмополитов // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1997. С. 90-150.
- Костырченко Г. В.* Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН, 2009. 415 с.
- Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2003. 784 с.
- Кременцов Н. Л.* В поисках лекарств против рака: Дело «КР». СПб.: Рус. Христиан. гуманитар. акад., 2004. 327 с.
- Кременцов Н. Л.* Равнение на ВАСХНИЛ // Сайт «Журнальный зал» URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/krem94os.htm> (время доступа 19.03.2010).

- Кузнецов В. С. Образ науки и эвристическая функция философии // Методология науки. Новосибирск, 1985.
- Лейбович О. Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. М.: РОССПЭН, 2008. 295 с.
- Люстигер А. Сталин и евреи: Трагическая история Еврейского антифашистского комитета и советских евреев. М.: РОССПЭН, 2008. 295 с.
- Мамонтова М. А. «Рекомендовано «воздержаться»» (к вопросу о развитии изоляционистских тенденций в советской науке периода «позднего сталинизма») // Исторический ежегодник. Вып. 2. Омск: ОмГУ, 2008. С. 20-25.
- Мамонтова М. А. Всесоюзное Общество по распространению политических и научных знаний как одна из форм контроля над общественной мыслью в конце 1940-х – начале 1950-х гг. // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. М.: ИВИ РАН, 2007б.
- Мамонтова М. А. Культурный ландшафт сибирского города второй половины 1940-х годов и космополитические кампании в провинции // Художник. Творчество. Эпоха. Диалог культур: от века XX к веку XXI. Вып. 5. Омск: Наука, 2009. С. 126-130.
- Мамонтова М. А. Местные общественные организации как один из каналов трансляции исторического сознания // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века / Под ред. А. В. Гладышева, Б. Б. Дубенцова. СПб.: Нестор-История, 2006. 256 с.
- Мамонтова М. А. Формы контроля общественно-популяризаторской деятельности провинциального историка в первое послевоенное десятилетие // Мир историка. Вып. 3. Омск: ОмГУ, 2007а.
- Мандрик М. В. Николай Леонидович Рубинштейн: очерк жизни и творчества // Рубинштейн Н. Л. Русская историография. СПб., 2008.
- Маслов Н. Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия культа личности Сталина // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М.: Политиздат, 1989. С. 344-352.
- Матвеева Н. В. Кампания по борьбе с космополитизмом в интеллектуальных биографиях послевоенного поколения советских историков // Социальные конфликты в истории России. Омск: Из-во Омского гос. пед. университета, 2004. С. 283-288.
- Медушевская О. М. Источниковедческая проблематика «Русской историографии» Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998. М., 1999. С. 233-235.
- Москва послевоенная. 1945–1947: архивные документы и материалы. М.: Мосгорархив, 2000. 768 с.
- Муравьев В. А. «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998. М., 1999. С. 228-233.
- Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / Под ред. Э. И. Колчинского. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 1040 с.
- Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М. В. Нечкиной. Т. V. М., 1985.
- Панях В. М. Борис Александрович Романов и Иван Иванович Смирнов // Панях В. М. Историографические этюды. СПб.: Алетейя, 2005. 241 с.
- Панях В. М. Ликвидация Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 г. // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М.: Наука, 1996.

- Панях В. М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
- Платт Кевин М. Ф.* Репродукция травмы: сценарии русской национальной истории в 1930-е годы // НЛО. 2008. № 90.
- Портреты историков: Время и судьбы. В 2 т. М.; Иерусалим, 2000.
- Пыстина Л. И.* Проблемы изучения интеллигенции в послевоенные годы (идеологические кампании 1940-х гг.) // Интеллигенция в советском обществе: Межвузовский сборник научных трудов. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1993. С. 163-171.
- Репрессированная наука / Под общ. ред. М. Г. Ярошевского Л.: Наука, 1991. 559 с.
- Родигина Н. И.* «Другая Россия». Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX начала XX века. Новосибирск: НГПУ, 2006. 343 с.
- Рольф М.* Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 440 с.
- Рыженко В. Г.* Социокультурный ландшафт советской исторической науки во второй половине 40-х – начале 50-х гг. XX в.: возможности реконструкции // Исторический ежегодник. Вып. 3. Омск: ОмГУ, 2008.
- Рыжковский В.* Советская медиевистика and Beyond (к истории одной дискуссии) // НЛО. 2009. № 97.
- Свешников А. В.* Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930 – 1940-х гг. // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 2. Омск: ОмГУ, 2006. С. 78-111.
- Сидорова Л. А.* Поколение как смена субкультур историков // Мир историка. XX век. М.: ОмГУ, 2002. С. 38-53.
- Сидорова Л. А.* Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков. М.: ИРИ РАН, 2008. 294 с.
- Сидорова Л. А.* «Санкционированная свобода» исторической науки: опыт середины 50-х – 60-х гг. // Россия в XX веке. Судьба исторической науки. М.: Наука, 1996. С. 705-710.
- Сидорова Л. А.* Инновации в отечественной историографии: опыт рубежа 50-х – 60-х годов // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М.: Наука, 2000. С. 401-410.
- Сидорова Л. А.* Историческая наука в СССР в первые послевоенные годы // Очерки истории отечественной исторической науки XX века: Монография / Под ред. В. П. Корзун. Омск: ОмГУ, 2005а. С. 517-531.
- Сидорова Л. А.* Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М.: Памятники исторической мысли, 1997. 288 с.
- Сидорова Л. А.* Советские историки послевоенного поколения: собирательный образ и индивидуализирующие черты // История и историки: историографический вестник. 2004. М.: Наука, 2005б. С. 208-223.
- Сизов С. Г.* Идеологические кампании 1947–1953 гг. и вузовская интеллигенция Западной Сибири // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 95-103.
- Сизов С. Г.* Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (На материалах Западной Сибири). Омск: СибАДИ, 2001.
- Советская жизнь. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2003. 631 с.
- Советская историография. М.: РГГУ, 1996. 592 с.
- Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003. 472 с.

- Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М.: РОССПЭН, 2005.
- Твардовская В. А.* Б. П. Козьмин. Историк и современность. М.: ИРИ, 2003. 246 с.
- Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М.: ОЛМА-Пресс, 2003. 640 с.
- Цамутали А. Н.* «У меня как всегда много работы...»: несколько штрихов к облику Николая Леонидовича Рубинштейна // Страницы советской истории. Проблемы, события, люди. СПб., 2001а.
- Цамутали А. Н.* Николай Львович Рубинштейн // Историки России. Биографии / Сост., отв. ред. А.А. Чернобаев. М.: РОССПЭН, 2001б.
- Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2004. 575 с.
- Черепнин Л. В.* Лаппо-Данилевский А.С. — буржуазный историк и источниковед // Вопросы истории. 1949. № 8. С. 30-51.
- Шарова А. В.* Историк средневековой Англии в советской России: компромиссы академика Е. А. Косминского // Одиссей. 2003. М.: Наука, 2003. С. 256-296.
- Шаханов А. Н.* Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна // История и историки: историографический вестник. 2004. М.: Наука, 2005.
- Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М.: НЛЮ, 2007. 619 с.
- Шмидт С. О.* Судьба историка Н. Л. Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998. М., 1999. С. 202-227.
- Юлина Н. С.* Образы науки и плюрализм метафизических теорий // Вопросы философии. 1982а. № 3.
- Юлина Н. С.* Структура образов науки // Структура и развитие научного знания. М., 1982б.
- Янковская Г. А.* Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма. Пермь: ПГУ, 2007. 311 с.
- Epic Revisionism: Russian History and Literature as Stalinist Propaganda / Eds. K. M. F. Platt, D. Brandenberger. Madison: University of Wisconsin Press, 2005.

Корзун Валентина Павловна, д.и.н., профессор, зав. кафедрой современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; Korzunv@mail.ru.

Колеватов Дмитрий Михайлович, старший научный сотрудник кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; Korzunv@mail.ru.